

ПРОЛОГ

*Было бы неплохо, если бы вы
перешли на другую сторону улицы!*

Надо мной — а я тот, что со второго этажа, квартира номер четыре — и над соседом Владицей Перцем, вдовцом, этаж третий, квартира номер восемь, на короткой веревочке с чересчур высокого козырька с некоторой угрозой, вроде скособоченного висельника, свисает металлическая табличка.

Веревочка пропущена в одно из отверстий для шурупов, что по углам, и завязана узелком. Это табличка с названием улицы. (Улицу образует пара одинаковых, стоящих друг против друга трехэтажных типа строений, проблемных в кадастровом отношении — с чем эти бедолаги носились еще при появлении опалубки). На синей стороне таблички — название, а на ржавой — на-малеванный масляной краской совет. Отковыряли ее от положенного места, в трех метрах отсюда, недавно, без свидетелей, измазали краской и повесили здесь с заметными еще пыльно-цементными отпечатками пальцев, чтобы она колотилась и вертелась под ударами ветра сегодня, а завтра, может, и под кулаком какого-нибудь прыгучего переростка.

Вдовый сосед крепко держит меня под руку, чтобы случайно не унес его сильный порыв ветра. Вцепился намертво. Только что на своей колымаге в сорок пять лошадей он привез нас с похорон *четырёхногой* соседки, бабки с непростой, заверенной официальным штампом историей жизни, второй этаж, квартира номер шесть, вместо фамилии на дверях незакрашенный прямоугольник, четвертые уже похороны в нашем типа доме за последние два с половиной месяца.

Немногим более времени минуло с дружеской попойки городских урбанистов и их дорогих гостей — муниципальных чиновников оперативного звена и кадровых офицеров, попойки, с которой чудом удалось вывернуться одной весьма важной секретарше принимающей стороны, разрывавшейся между попытками сохранить остатки мужниной (инженера Миленко) чести и стараниями угодить работодателю. Заперлась за двойной обитой дерматином дверью и села за компьютер. Продолжила расстегивать верхние пуговицы уже частично расстегнутого супермодернового искрометного блейзера (одного из дюжины, которым особо гордилась) и сосредоточенно отстучала принятое на попойке *постановление*: приступить к сносу паршивого строения (чтобы на его месте возвести современный военный комплекс) — за три месяца до истечения предусмотренного законом срока! — такую возможность допускала *секретная статья* договора (обусловленного множеством положений), составленного неполных пять лет тому назад между бывшими отцами города и разбогатевшим гастарбайтером герр Живковичем из Берлина, договора, в соответствии с которым халупе предназначалась иная судьба, но исключительно в слу-

чае кончины герр Живковича! (в обязательном порядке естественным образом) в течение трех месяцев до истечения оговоренного срока. Причина такой поспешности состояла в тревожных известиях из Берлина о плачевном состоянии сердца герр Живковича. Потому на попойке и слышались чаще всего лозунги такого типа: *Нельзя ждать! Нельзя рисковать! Постановление! Постановление! Снос! Снос!*

Что это еще такое? Сват, привлеченный новыми тенденциями в соседской сфере, утвердив термос с кофеем на низеньком защитном парапете, заинтересованно склоняется с крыши противоположного строения. Шея у него длинная, но он не брезгует и висящим на шее маленьким биноклем, хотя пока что всего лишь вращает указательным пальцем ребристое колесико между окулярами. Облизывает усы, убирает с глаз пряди волос, устроившись там, наверху, где ветер всегда дует сильнее.

Владице же Перцу ветер никак не угрожает. Скорей даже помогает, потому что *поездка* отразилась на его и без того развинченных ноженках. (Впрочем, и сам Владица начал тут, под козырьком, картинно и волнительно, бесновато и ужасно наносить по ним свободной рукой косые удары карате, разгоняя кровь в бедрах, хотя большой вопрос, в состоянии ли он связать отказ нервной системы с внезапно возникшими чрезвычайными действиями нижних частей конечностей. О, Владица мог здорово двинуться, поверьте нам, хотя всю жизнь не мог избавиться от ощущения, что у него несколько голов, и что все эти головы, непримиримо враждующие между собой, тащат каждая в свою сторону; тем не менее, с детских лет он *очень хорошо* ковылял на паре

своих тощих ходулей, причем без всякой поддержки, и худые ходульки выросли вместе с ним до такой степени, что — вы еще услышите об этом — он еще и хоровод мог за собой повести).

Окончательно удовлетворенная секретарша решила отправить своей сестре, разноййцевой близняшке, также секретарше, только в частной фирме *с исключительным опытом в сфере строительства армейской инфраструктуры*, электронной почтой давно ожидаемую новость:

«Получилось! Знаю, вы давно зуб точите на это дело, переживаете, достанется оно вам или не достанется, и все боялись, что вдруг этот баран герр Живкович откажется и все нам испортит. Но теперь, когда у нас есть постановление, весь мир у наших ног. Душенька, чтоб ты знала: у нас впереди ад. Надо жильцов этой паршивой халабуды немедленно и без особого шума расселить (временную передержку мы им обеспечили), чтобы не зря носились курьеры с кучей бумаг, не зря колотились в ночную смену, шуровали по коридорам, чтобы не зря глаза кровью наливались от непрерывных докладов. Еще меня включили в комиссию, которая должна будет следить за работами на месте (и в Берлине), принимая во внимание все аспекты, с целью предотвращения негативных выступлений в СМИ, а также находиться в постоянном контакте со всеми важными факторами и, наконец, дать зеленый свет вам, а вы — вашей сестринской “Демолирен групп”. Лично я оптимистка. С сегодняшнего дня для нашего визионерского братства этот вшивый домик более не существует. На его месте будет строительная площадка, я ее прямо так и вижу. И если какой-нибудь визионер, вдохновенно обходя будущую

стройку, носом уткнется в вонючий фасад, то ничего и не заметит».

После этого секретарша, прищурившись, посмотрела с четвертого этажа из окна кабинета с искусственным климатом на главную улицу. Погладила себя по локоткам и плечам. Новенький красный «мини морис» остановился на светофоре.

Оставил вдовый Владица своего *четырёхколёсного* на импровизированной усыпанной галькой парковке на заднем дворе.

Слишком долго держали микролитражку на капиталке, вдыхали в нее новую жизнь, и вернули Владице только сегодня утром. Зато в самый раз. Очень ей Владица обрадовался (о, дружил он с этим автомобильчиком полных двадцать восемь лет, хотя, судя по пробегу в 000280, никак об этом не скажешь), и пришло ему в голову, пусть потом хоть и света белого ему не видать, поделиться радостью с родным созданием, что означало покатасть его на собственной капитально отремонтированной микролитражке. В противном случае, если не поделится он радостью и не покатает родное создание, то вдове сердце лопнет, совсем как стеклышко в его очках. А ведь нет существа — вы с нами немедленно согласитесь — которое не то чтобы немножко, а целых одиннадцать с половиной лет прожило едва ли не дверь в дверь с таким соседом, как Владица Перц — не найдется такого существа (и не только среди амаксобов*), которое бы не поняло, какую опасность оно миновало, сидя рядом с таким шофером, пройдя первый же крутой поворот.

Часа эдак с два тому назад сосед Владица выбрал на моей шее место, в которое он под этим самым козырьком вцепился, как раз в тот момент, когда я вернулся с прогулки по *незавершенному пространству* на том берегу сухого канала, которым наша улочка с восточной

* Амаксобия — панический страх водить машину или быть в ней (здесь и далее — примечания переводчика).

стороны, не имея более продолжения, заканчивалась, как раз в тот момент, когда я, следовательно, отправился переодеваться к похоронам (менее всего озаботившись средством передвижения). Я и почесаться даже не успел, в отличие от добычи известного плотоядного растения мухоловки, добычи, до последнего мгновения ведомой предназначенной ей природой ролью — поиском сладостного нектара богов — которая в любом случае попалась бы, и успевшая, прежде чем окончательно быть переваренной, почесаться ножкой и подумать: чего это я так стремительно залетела, как слепая, на эту недолимую красоту, не успев даже осмыслить предательскую причинно-следственную связь между двойным в течение двадцати секунд касанием ножками тонюсеньких волосков желудка мухоловки и бесшумным (а не громогласным) схлопыванием зазубренных лепестков над ней, и легкую мгновенную судорогу, охватившую ее, когда она подивилась исчезновению неба, впрочем, не сильно пожалев об этом, потому как, брат мой, рассмотрелась она на него досыта, и вот опять оказалась во мраке, непостижимо быстро в сравнении с вечностью, которую она провела во тьме, пока ее оттуда не выманили обманом, и задалась вопросом — неужели я, насекомое, опираясь и на иные чувства, куда как более надежные, в отличие, скажем, от зрения, принадлежа к самому конкурентоспособному виду живых существ на земном шаре, оказалось самым тупым созданием, и задумалась добыча также над тем, будет ли сейчас, в процессе переваривания мухоловкой, на пороге неминуемой гибели, достаточной компенсация в виде неодолимо успокоительного аромата сладостных соков, которые вскоре подвергнут ее разложению, и с которыми она, возмож-

но, в экстазе, вновь переживет метаморфоз и стадии личинки, куколки и имаго, смешается и растает, и не начнется ли все сначала.

Поедешь со мной, упрямо навалился сосед Владица, требуя *уважить* его резоны. Подбирает местечко повыше и поудобнее на моей шее, за которое он примется, для начала анестезировав его собственным дыханием, потом ударит по каротидному синусу*, закладает вставной челюстью (и щечки у него уже как-то зарумянились и припухли). Левый его глаз заиграл, сейчас подмигнет им, однако неожиданно включился правый поворотник. *Поедешь со мной, требую, ты поедешь со мной*, и уже *весь был за рулем*, разделив свою радость со мной еще до того, как впихнул меня в микролитражку, до того, как судорожно вцепился в баранку, еще до того, как треск водительской дверцы болезненным эхом отозвался на захлопнутую пассажирскую.

Свату с крыши противоположного дома могло тогда показаться, что я без лишних вопросов уважил резоны Владицы и понял, что ему необходимо ухватиться за мою руку, когда мы — вернувшись с похорон с чудом сохранившимися головами на плечах — выбрались из микролитражки.

Есть ведь такие люди, что всю жизнь стараются за десять верст обходить злощущую медведицу, а все равно натыкаются на ее берлогу, или, отправляясь на базар за картошкой, похоже, в зависимости от того, высоко ли поднялось солнце, то ползут как прибитая кошка, или же топают строевым шагом, но,

* Каротидный синус — место расширения общей сонной артерии перед ее разветвлением.

независимо от данного конкретного случая, частенько платят за свой поход каким-нибудь посттравматическим синдромом, сосед Раджа, первый этаж, квартира номер два, знающий толк в каллиграфии и тату, мастер детализации, платный портретист, никогда не отказывался изложить собеседнику прямо в ухо то, что у него на уме, если до этого ветер не уносил его слова в сторону.

Года два тому назад сидел я с соседом Раджей на скамеечке без спинки, шагах в десяти от входа в наше жилище, собственно, на растянутой в ширину букве «п», бывшей некогда стандартной бетонной конструкцией, предназначенной для стабильного крепления коммунальных мусорных баков, с двумя дырами диаметром в 50 см и с расстоянием между ними также в 50 см. Конструкция давно уже не использовалась в первоначальных целях, потому что со временем мусорные баки заменили на контейнеры, расположившиеся метров на пятьдесят ниже, в сторону стихийного мини-рынка, на котором мы покупали снедь — кто куриные шеи, кто картошку, кто сельдерей — и в который наша улочка, собственно, упиралась с западной стороны. Тем не менее, конструкция выжила и держалась совсем неплохо, разве что из одного раскрошившегося уголка торчал штырь арматуры. Итак, сидели мы под старым деревом. *(Давно отрешившись от жизни, дерево отбрасывало тень, руководствуясь исключительно собственным хобби).* Окружавшую нас мертвую тишину время от времени нарушал попыхиванием сигареты в мундштуке и стряхиванием пепла из своего окна на первом этаже молодой сосед Боби, квартира номер три, *прилиза* (как любил называть его сосед Раджа), недоучившийся студент-заочник, специалист по итальянской литературе,

время от времени пишуций в провинциальные газеты на темы как *вынести (квартилату, биржу, городской транспорт, родственную душу, братство) в большом городе*. И тут вдруг откуда-то взялся и трусцой направился к нам, зажав подмышкой специальную шахматную доску для слепых, сосед Октавиан, подслеповатый старик, этаж третий, квартира номер девять, *как будто у него на пути никаких препятствий не было*.

Ничего тут не скажешь, прирожденный воин всегда знает, что последний образ, который он увидит, отправляясь из этого мира в неизвестность, будет образ этого самого незнаемого, вот потому и мечтает воин погибнуть в бою, вот потому несчастная влюбленная пара, отравившись объединенными усилиями, держится за руки, не спуская друг с дружки глаз и не давая воли случаю, ожидает на пороге вечного счастья прибытия выделенной им гондолы, сосед Раджа расчесал пальцами свои густые курчавые волосы. Но дед Октавиан продолжил переть прямо на нас. Уверен, что по этой же причине и мастер величайшей игры бессонными ночами двигает до безумия слона по черно-белой доске с целью поиска совершенной позиции. А, сосед? предупредил сосед Раджа деда Октавиана, что перед ним все-таки не пустое пространство. И только тогда, словно гром с ясного неба ударил и опалил его самого и его шахматные фигуры розового дерева, остановился дед, как вкопанный. Стоял он так, окаменев, две напряженных минуты. У соседа Боби в окне, пока он попыхивал сигаретой, плечи затряслись от немногого хохота. Стало очевидно, что дед Октавиан отказался от поисков хоть кого-нибудь, с кем бы мог в который уже раз проанализировать переход слона на f3 (в одном из

подвариантов итальянского дебюта), откуда он угрожает противнику и одновременно предупреждает все его контратаки. После этого он встряхнул фигуры в закрытой доске, развернулся, и следующие полчаса потратил на обратный путь. Словом, предоставил нам достаточно времени (сосед Боби раздумывал, куда запустить окурок, чтобы тот порывом ветра не отнесло на дедову лысину), чтобы внимательно понаблюдать за ним и прийти к выводу, что вряд ли он станет больше спускаться во двор, что и случилось впоследствии. Медики, начавшие регулярно посещать его, жаловались, что никогда у них еще не было такого капризного пациента. Дед постоянно требовал от них — а это вовсе не входило в их обязанности — залезать под кровать, куда он засунул какой-то шахматный комплект. *Там ему и место.* Еще медики роптали по поводу домов без лифта.

Наутро мы с соседом Раджей опять сели каждый в свою дыру (зеленая бетонная краска все еще здорово держалась на скамеечке) под деревом с хобби, *а каково хобби, такова и тень*, потому как здорово припекло, и сосед Раджа отложил пластиковую тарелку с ужином на краешек скамейки. Как только он принялся пальцами расчесывать свои кудри, я стал вертеть головой в поисках образа, в сопровождении которого я покину этот мир, если меня вдруг поразит гром с ясного неба. *Это тебе не шуточки шутковать, запомни, дорогой мой*, напомнил мне сосед Раджа и взялся за тарелку с ужином. Потом он замолк до тех пор, пока не подобрал с тарелки последний кусочек брынзы, посыпанной карри. Жирными руками побаловался немного с пустой тарелочкой. Под занавес сосед Раджа, в порядке исключения, встряхнул кудрями, *помотав головой.*

Поскольку *это не шуточки шутковать*, можно сказать, что для меня все сложилось по-божески, учитывая, что новый контейнер, предназначенный для перерабатываемых отходов, установленный вплотную к ранее упомянутому у мини рынка, контейнер, которому нельзя отказать в некоторой пасторальной мягкости линий на голубом фоне с желтыми звездочками в круг, в красоте и сдержанности, принимая во внимание, что в последний момент (после того, как мы с соседом Владицей съездили на местное кладбище хоронить бабушку с непростой, заверенной штампом историей жизни) без лишних вопросов врезался в душу, заняв в ней, так сказать, почетное место. Выдержал я беспорядочные нажатия соседа Владицы на газ и сцепление, вращения баранки, каких не бывает без веры в высшие силы, бордюры, собач с поджатыми хвостами и симпатичными мордами, телеграфные столбы, резкие торможения, рыдания ребенка в коляске. О, какая бы рученька после всего пережитого не восприняла бы грубую хватку как нежнейшую ласку, лишь бы только ноженьки соседа Владицы прекратили не поддающиеся никакой логике сгибания и толкания, а сучение конечностями перенеслось бы с педалей автомобиля на торную тропинку (на определенном участке тропы со временем прижилась мелкая галька с паркинга), которую сосед Владица топтал так, словно на ней вырастали все новые и новые педали сцеплений и тормозов, а не одуванчики и подорожник. Он мотался, сжав мою руку и крутя ее туда-сюда, словно это был руль. Еще с середины тропинки нам пришлось дать задний ход. Он сигнализацию забыл включить. *Забыл*, сказал он, *мать ее так*. Сигнализация на его микролитражке состояла из двух проволочек и механизма, вы-

дранного из утробы дочкиной плачущей куклы. *Эти его в душу.* Эта матерщина относилась к тому моменту, когда ему пришлось пострадать от руки родной дочери. К самому акту включения хэнд-мэйд сигнализации сосед всегда подходил со всей строгостью, решительно нахмурившись. Сначала он, как и следует, загонял машину на стоянку, потом подходил сзади, укладывал ладони на багажник, при этом старательно отталкиваясь от земли, потому что по какой-то причине следовало именно сзади как следует потрясти машину с полминуты, и только после этого сигнализация включалась. Во время этой операции взгляд соседа Владицы блуждал где-то в небесных сферах. Если сигнализация включалась, то давала о себе знать кукольным плачем. Вот и в этот раз сосед опять уставился в небесные сферы, протягивая к ним руки, и от этого головокружительного процесса глаза его разбежались так, что один из них сквозь очки уперся в микролитражку самым строгим образом, хотя в этом взгляде было больше *показухи*, чем настоящей строгости, потому что в тот же самый момент второй глаз он не спускал с меня, наблюдая, чтобы — преодолев с попутным ветром метра полтора до места, где оставил меня — опять ухватиться за мою руку. *Держись, машинка моя, да и я, сама видишь, тоже с него глаза не спускаю.*

Я тоже как-то держусь, в том смысле, что мне экзоскелет не нужен. Тем не менее, интересно будет узнать, если сосед Владица не прекратит так сильно переживать, какой участок моей руки и насколько побелеет по сравнению с моей белой майкой, какая часть мышцы побелеет, а какая посинеет. Осматриваю себя со всех сторон в надежде обнаружить, не протянул ли сосед

тайком сквозь рукав своего старомодного пиджака, из которого не вылезал ни летом, ни зимой (пиджак словно был сшит по технологии «климакон», так что летом охлаждал, а зимой согревал), какую-нибудь трубочку, или что-то наподобие, и не подключился ли ко мне, возможно, даже внутривенно, чтобы непрерывно высасывать меня даже на расстоянии, мотаясь вокруг да около.

Так, так, еще немножко, покровительски и загадочно похлопал меня сосед Владица по *той самой* руке (не посинела ли она между делом?), по тому месту, где она сгибалась под углом в девяносто градусов. Хлоп, хлоп, хлоп. Хлопал он меня так, чтобы трубочка ни в коем случае не выскочила, чтобы не пришлось *искать вену* и опять тайком к ней (вене) подключаться и начинать все сызнова. *Хлоп, хлоп, хлоп.* Отныне и навсегда!

* * *

*Было бы неплохо, если бы вы переплыли
на другой берег!*

Кто-то, за неимением иной, воспользовался единственной возможностью, и на обратной стороне таблички, где масляной краской был написан совет, внес в него мелом определенные небольшие коррективы.

Табличку, позволю напомнить нам, чтобы не забыть, повесили на козырек и измазали масляной краской примерно девять недель тому назад, во время проходов в последний путь жены Владицы — Евицы Перц.

Да, красочный совет весьма полезен для пешеходов, но все-таки он чу-у-точку преждевременный, Радже особенно кололо глаз, что табличка висела приблизительно на том месте, где и должна была повиснуть после того, как, если настанет такое время, будет установлен забор, которым обычно ограждают строительные площадки.

Повешенная из озорства или по чьему-то приказу как элемент дополнительного давления на выживших жителей, Владица Перц во время своей трудовой деятельности, будучи старым строителем (работы общего плана, тем не менее, под общим руководством практических специалистов), слышал, что заказчики иногда прибегают к подобному тонкому психологическому воздействию.

По неизвестным причинам никто из (выживших) обитателей дома по сей день табличку оттуда не сбросил, вот она и болтается.

Тот некто с самого начала, доводя комедию до конца, стоя на плечах своего ничуть не в меньшей мере наделенного чувством юмора соучастника, к тому же,

возможно, только что вернувшись с рафтинга, причем именно по реке, в честь которой, в чем был уверен каждый, по серьезным причинам и была названа улочка, так вот, тот, не слишком вникая в логику ситуации и предоставив право выбора пешеходам, именно этими коррективами доказал влияние улучшенной рафтингом клинической картины крови на искрометность духа. И, может быть, он всего лишь раз почесал кончик своего носа, подверженного воздействию крошек (побочным продуктом использования мелка) тончайшего белого известняка, при этом рискованно заколебавшись на плечах соучастника. Не следует исключать возможность, что на коррекцию надписи воздействовал, собственно, не рафтинг, а этот, бог его знает когда и бог его знает с какой целью выкопанный канал (любой готов поклясться — вечно без воды). Деревянный мосток, переброшенный через сухой канал, вел в *незавершенное пространство*, и не был нанесен даже на самый подробный план города.

Только плавать мне не хватало, не было более подходящего момента для остроты Владицы Перца, проталкивающего мысль о том, что он, *помимо всего прочего*, преуспел и в плавании, во что никто, даже мельком окинув его взглядом, при всей симпатии к нему никогда бы не поверил. *Скорее капля воды, бросившись в море, вернулась бы оттуда, не смешавшись и не изменившись в размерах*, чем Владица, доведись ему случайно застрять в этом канале под весенним дождичком, смог бы из него выкарабкаться, попискивая как больная летучая мышь и взывая о помощи. Да, на этих своих ножках он мог бы и хоровод повести, да, ножки могли бы ему послужить и для удара по перепуганному коварным

замыслом противнику, но о том, чтобы выкарабкаться из канала под весенним дождичком — об этом и речи не могло быть. *Только уточните, каким именно стилем*, без этого Владица и пары монет не готов поставить на *такое* требование. Напротив, вопреки этому — такому условию — он весь уже рвется вплавь, руку, за которую держится, дергает в стиле летучей мыши, чтобы одолеть всякие дополнительные препятствия, вступить в схватку с фантастическим водяным чудищем, как будто он, по меньшей мере, с самим Тарзаном овец пас. Но оставим в покое Тарзана и чудище.

Что еще сказать о домике с высоким козырьком? Это, так сказать, по жизни — трехэтажка (строго говоря, бельэтаж +2) с одним подъездом и плоской крышей, и вообще вся она *достаточно плоская*, но не в смысле монолитности, которая вызывает почтительное уважение.

Окна, те, что побольше — комнатные, поменьше — в клозетах и на кухнях, без жалюзи. По системе три — четыре вдоль и три — четыре поперек. Добавьте к этому еще и подвальные окошечки (кроме того, что закрыто куском фанеры) на уровне земли, и верхнюю половину двустворчатой входной двери, вот вам и все застекленные поверхности. (Нигде нет ни одного замурованного окна). Балкончики, выходящие на задний двор, и незавершенное пространство по вертикали 3, 6, 9 и 1, 4, 7, утоплены в здании и практически невидимы. Все обрызгано грязно-желтой краской цвета *поднебесной империи*. С фасада, по центру, во всю высоту, на входе и по внутренней лестнице — та же краска, и далее, без перехода, с обеих боковых стен — все та же, и с тыла — тоже. И никаких граффити на прямоугольной поверх-

ности, ограниченной начинающими ржаветь водосточными трубами. На первый взгляд, ничем домишко не мог пригнуться случайному прохожему, пробудить его воображение.

Что же касается внутренностей, то лестница и коридоры были не слишком узкими, а в каждой из девяти квартир для перехода из кухни в столовую требовалось сделать оптимальное количество шагов. У домика хватало соображения, чтобы спросить вас *Как дела?*, ласково глянуть на вас, так что давайте опять обратимся к внешности, на которой было что рассмотреть и за крашеным фасадом, а тем более если выглянуть за его пределы (за исключением крохотного, совершенно незначительного краника с тыльной стороны домика, в том месте, где из подвала *вода выведена* на максимально близкое расстояние к парковке, вы еще услышите об этом кранике) и пощекотать воображение, приписав домику в целом, как живому, но пучеглазому и лопоухому ребенку, внутреннюю гармонию или красоту. Ничего подобного. Пройдемся под занавес, если вы не против, мимо электрощитовой с кучей предохранителей (из которых тот, что отвечал за общее напряжение, выбивало чаще других, после чего его возвращал к жизни лицензированный специалист по жучкам Владица, и девяти почтовых ящиков, следовательно, доберемся до входной двери (но только не касайтесь нижних половинок двух створок, потому что там ничего нельзя трогать, кроме металлических деталей) и обратим внимание на пневматический механизм, служащий для замедленной доводки при samozакрытии оной. Однако трудно представить, что воображение могло бы разыгаться при виде такой обыкновенной пружины: его щекотал

только тот факт, что механизм исправно функционировал и после тридцати лет бессменной работы. Так или иначе, *ничего эпохального*, и потому Раджа не уставал твердить, что *чертов дом все-таки нашел безошибочный, но только ему одному известный способ прирасти к сердцам своих обитателей.*

Вы заметили, что предыдущий тщательный осмотр не коснулся артефакта в лице слишком высоко козырька. Между тем, в свете преобладающей теории на этот козырек невозможно было смотреть иначе, как на чужеродное тело (и из-за его *отстраненности*, присущей чужеродным телам; каждый, кто хотя бы раз попытался укрыться под ним от внезапного ливня, легко мог проглядеть его и в дальнейшем утверждать, что никакого козырька тут нет), появившееся незнамо откуда тридцать лет тому назад, ночью, еще в процессе строительства, и его пролет сквозь атмосферу обязана была бы зафиксировать даже самая захудалая обсерватория. Этот *продукт панспермии* * (в соответствии с общепризнанной теорией) врезался под почти идеальным углом (с архитектурной точки зрения) где-то между первым и вторым блоком, на два метра выше запланированной позиции. Если бы прилетевший козырек продолжил движение, то закончил бы свой путь примерно в прихожей квартиры номер пять, или еще дальше. Если мы предположим, что все произошло именно так, как описано выше, то не составит труда вообразить, как следующим утром очумелые каменщики установили, что их огрех под покровом ночи исправлен ровно на-

* Гипотеза о возможности переноса зародышей жизни из космического пространства.

столько, чтобы *пройти* зажмурившую один глаз техническую комиссию. В соответствии с другой, значительно реже упоминающейся теорией, технической комиссии пришлось зажмурить оба глаза, потому что на том месте, где по проекту должен был красоваться козырек — не было ничего. И комиссия, гласит эта теория, зажмурила оба глаза, предоставив делу разрешиться самому по себе, как она, в соответствии с иной теорией, и постановила: поскольку козырек со временем сам по себе пророс сквозь блоки и штукатурку, вроде тех *упорных и жилистых растений, что пробиваются сквозь самые прочные дорожные покрытия в совершенно неожиданных местах* по собственной прихоти. Но все это уже история. Сегодня только Раджа гадает, что-и-кто-где-и-у-кого-закопал-или-вырастил, и для чего это сделано, и кто за этим стоит. Также мы не учли (и этого вы никак не могли заметить) артефакт, который составлял некое странное единое целое со слишком высоко пристроенным козырьком — бетонный приступок перед входом, высотой соизмеримый с крупной галькой, с врезанным в него сердцем, пробитым стрелой, которую изображали три вмурованные в бетон и добротнотшлифованные подметками здоровенные гвоздя.

Как бы там ни было, вряд ли домик мог бы привлечь чье-то внимание, даже с учетом апокрифов и указанной выше странной связи. Ни малейшего внимания не мог бы привлечь и домик напротив (с нормальным козырьком, так называемый «близнец»), который пять лет тому назад расселили, потом тут же вновь заселили, на веки вечные, в связи с его дислокацией по соседству с маленьким запущенным немецким кладбищем на другом краю города и реализацией визионерского замысла

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru